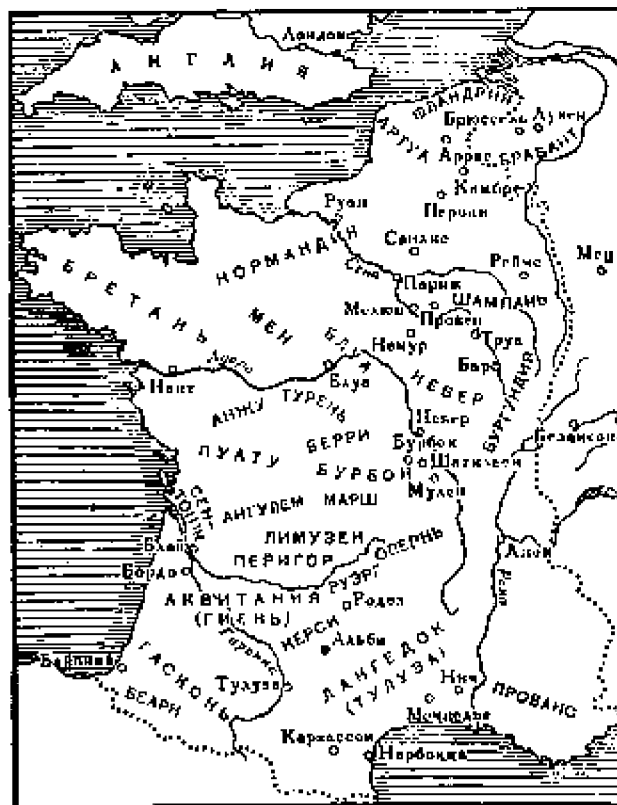

вешивается чрезвычайно выраженной в нем бытовой струей. Автор, нам кажется, с наслаждением описывает быт – от иглы, которой Гильем пришивает рукава к рубашке, и кубков, которые он дарит своему домохозяину, до блюд, какие подаются на пирах; средневековая жизнь трех сословий – замковой аристократии, духовного чина и городской буржуазии – выписана в романе с любовью и каким-то особенным вкусом к деталям и мелочам. Подобная влюбленность в быт, «вещность» вписывается в свойственную позднему средневековью более широкую перспективу видения мира, охарактеризованного Й. Хейзингой как «ощущение терпкого вкуса жизни»²⁶⁴, который столь остро обнаруживает себя в сценах, изображающих празднование майских календ или слушание песни соловья Гильемом (ст. 2332 – 2353, 3308 – 3312, обе сцены, кстати, были перенесены Блоком в драму «Роза и крест»). Мы склонны воспринимать «Фламенку» во всей полноте ее богатейшей палитры, вобравшей в себя красочное многообразие эпохи – от ностальгического – и потому чуть-чуть утрированного – изображения блестящей куртуазной жизни, с ее уходящими в прошлое пирами, турнирами и немислимей любовной интригой, – до психологического, под стать роману XIX в., проникновения во «внутреннюю жизнь» героев; от аллегорических картин, рисующих отношения между куртуазными добродетелями и пороками, – до восхитительных зарисовок будь то куртуазного, будь то буржуазного, будь то клерикального быта; роман, где, по остроумному замечанию критика, «всесильный бог любви» выражает себя как «всесильный бог деталей».

Карта Франции в начале XIII в.

²⁶⁴ См. одноименную главу в его книге «Осень средневековья». – *Huizinga J. Le declin du Moyen age*. Paris, 1934.